

© М.М. Парастаева, О.Н. Береснева, 2020
УДК 612+7(092) Павлов

doi: 10.36485/1561-6274-2020-24-3-97-106

М.М. Парастаева, О.Н. Береснева*

И.П. ПАВЛОВ В ЖИЗНИ И РУССКОМ ИСКУССТВЕ XX ВЕКА. (К 170-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ)

Научно-исследовательский институт нефрологии Первого Санкт-Петербургского государственного медицинского университета им. акад. И.П. Павлова, Санкт-Петербург, Россия

РЕФЕРАТ

Работа посвящена 170-летию со дня рождения выдающегося физиолога И.П. Павлова. Отражены некоторые моменты его научной деятельности и биографии. Особое внимание уделено образу И.П. Павлова в произведениях русских художников и скульпторов – современников ученого.

Ключевые слова: история медицины, физиология, И.П. Павлов

M.M. Parastaeva, O.N. Beresneva*

I.P. PAVLOV IN LIFE AND RUSSIAN ART OF THE XX CENTURY. (TO THE 170-TH ANNIVERSARY)

Research Institute of Nephrology, First Pavlov St. -Petersburg State Medical University, Saint Petersburg, Russia

ABSTRACT

The work is dedicated to the 170th anniversary of the outstanding physiologist I.P. Pavlova. Reflected some points of his scientific activities and biographies. Particular attention is paid to the image of I.P. Pavlova in the works of Russian artists and sculptors – contemporaries of the scientist.

Keywords: history of medicine, physiology, I.P. Pavlov

Для цитирования: Парастаева М.М., Береснева О.Н. И.П. Павлов в жизни и русском искусстве XX века. (К 170-летию со дня рождения). *Нефрология* 2020;24(3):97-106. doi: 10.36485/1561-6274-2020-24-3-97-106

For citation: Parastaeva M.M., Beresneva O.N. I.P. Pavlov in life and russian art of the XX century. (To the 170-th anniversary). *Nephrology (Saint-Petersburg)* 2020;24(3):97-106. (In Russ.) doi: 10.36485/1561-6274-2020-24-3-97-106

Я был, есть и останусь русским человеком,
сыном Родины, ее жизнью прежде всего
интересуюсь, ее интересами живу,
ее достоинством укрепляю свое достоинство.

И.П. Павлов

26 сентября 2019 г исполняется 170 лет со дня рождения Ивана Петровича Павлова – выдающегося русского ученого-физиолога, лауреата Нобелевской премии. Его именем названы улицы во многих городах России, его имя носят научно-исследовательские институты и учебные заведения, в том числе и наш Первый Санкт-Петербургский государственный медицинский университет. «Он изумительно целостное суще-

ство, созданное природой как бы для познания самого себя», – писал о Павлове А.М. Горький, – «научная деятельность составляла для него смысл существования на земле, поглощала всю его жизнь, которая сливалась с работой «до полной невозможности их разделить» [1]. И.П. Павлов своим трудом заслужил вселенскую славу не столько себе, сколько своей Родине.

Жизненный путь И.П. Павлова – путь новатора русской физиологии. В одном лице с удивительной гармонией сочетались черты богатой человеческой натуры, подобную которой трудно найти среди других творцов экспериментальных наук. Без преувеличения можно сказать, что история естествознания не знает второго примера, когда

*Береснева О.Н. 197022, Россия, Санкт-Петербург, ул. Л. Толстого, д. 17, корпус 54. Научно-исследовательский институт нефрологии Первого Санкт-Петербургского государственного медицинского университета им. акад. И.П. Павлова. Тел.: +7(812)346-39-26; E-mail: beresnevaolga@list.ru. ORCID: 0000-0002-7532-2405

*Beresneva O.N. 197022, Russia, St. Petersburg, L. Tolstoy st., 17, build 54. Research Institute of Nephrology, Pavlov First Saint-Petersburg State Medical University. Phone: +7(812)346-39-26; E-mail: beresnevaolga@list.ru. ORCID: 0000-0002-7532-2405

ученый смог завершить свою жизнь, как бы ни была она продолжительна, созданием новой области науки. Открытые И.П. Павловым в зрелом возрасте законы относятся к явлениям психической жизни животных и человека, в поисках объяснений которых терпели неудачу многие исследователи. Физиология допавловского периода в своих экспериментальных работах стояла далеко в стороне от исследований психических процессов, и даже постановка вопроса о возможности естественнонаучной трактовки этих явлений казалась невероятной. Безнадежность поиска законов душевной деятельности выразил один из немецких естествоиспытателей прошлого столетия Э.Г. Дюбуа-Реймон (1818–1896) следующей фразой: «ignorabimus» – «не будем знать», пытаясь постулировать метафизическую природу психических процессов и недоступность для научного познания тех явлений, которые протекают в животном организме выше уровня спинного мозга [2].

И.П. Павлов поставил на научную основу учение о нервной регуляции основных процессов животного организма, создав науку о высшей нервной деятельности. Термин «высшая нервная деятельность» был также впервые введен в науку И.П. Павловым, считавшим его эквивалентным понятию «психическая деятельность». Все формы психической активности, включая мышление и сознание человека, И.П. Павлов считал элементами высшей нервной деятельности. Это грандиозное по своему значению движение науки вперед произошло благодаря трудам русского физиолога в достаточно короткий срок – всего 15–20 лет. В прошлом было немало выдающихся ученых, чьи успехи даже в одной определенной области науки были признаны обществом, в лучшем случае, к концу их жизни, а как правило – только посмертно. Иван Петрович дважды в жизни был свидетелем признания результатов своей научной деятельности. И.П. Павлов стал основателем двух разделов физиологии – пищеварения и головного мозга, сыгравших и продолжающих играть выдающуюся роль в теории и практике медицины, биологии и психологии. Золотой фонд фактов, установленных им при изучении животного организма, приобрел также первостепенное значение для дальнейшего развития естествознания [3]. Один из крупнейших физиологов XX века, кембриджский профессор Джозеф Баркрофт в предисловии к русскому переводу своей книги «Основные черты архитектуры физиологических функций» (1937) написал следующие слова: «Велик долг мировой физиологии перед русской наукой. Таково ощущение,

которое руководит моим сознанием, когда я пишу настоящие строки в надежде, что советские биологи могут найти крупицу ценного под обложкой этой книги. Я слишком хорошо отдаю себе отчет в том, что мой небольшой труд не в состоянии сколько-нибудь заметно уменьшить долг, но мне хотелось бы думать, что он составит нечто вроде “символического платежа”, как признание того, что мы должны» [4]. Эти слова физиолога Великобритании выражали признание роли русской физиологической школы, которое разделяли и другие физиологи мира. Труды И.П. Павлова по физиологии пищеварения были удостоены Нобелевской премии в 1904 году. К этому времени Ивану Петровичу было 55 лет. Это был маститый ученый. Однако тремя годами раньше он начал как бы все заново, приступив к изучению функции головного мозга. В последний период своей жизни Павлов был поглощен идеями в новой для него области науки – исследования патологической физиологии человека, в частности психических его заболеваний. И.П. Павлов создал экспериментальную научную школу: несколько сот непосредственных учеников (только по условным рефлексам при его личном участии работали 200 научных сотрудников), тысячи последователей – научных внуков и правнуков – «павловцев», экспериментаторов нового типа. «Мы живем в такое время, когда еще свежи воспоминания об И.П. Павлове, когда все письменные документы о его жизни могут быть оценены многими через призму личного восприятия его изумительных дерзаний в науке и его блестящих высказываний на лабораторных средах, – писал П.К. Анохин, – и мне всегда казалось, что наш долг, долг учеников Павлова, заключается в том, чтобы не потерять истинного многокрасочного облика этого замечательного человека для истории науки. Все сказанное с очевидностью доказывает, истинная и окончательная научная биография И.П. Павлова должна стать в конце концов коллективным трудом его учеников» [5].

Вся научная деятельность И.П. Павлова связана с нашим городом, но родился он в Рязани в 1849 году в семье священника. Несколько поколений его предков служили церкви. Это были «...низшие члены церковного причта, то есть все дьячки да пономари», – писал И.П. Павлов в своей автобиографии. Следует отметить, что родословная семьи Павловых характерна для большинства представителей среднего русского духовенства XIX в. По утвердившимся традициям служителей церкви предназначать своим сыновьям только духовную карьеру предки любого

священника неизбежно оказывались церковными служителями того или иного ранга. Соблюдали и другую не менее прочную традицию – женить сыновей церковников только на дочерях церковников. Семья Павловых следовала этому обычаю. Глава семьи, отец Ивана Петровича, Петр Павлов родился в 1823 году в семье дьячка села Кривополянье Ранненбургского уезда Рязанской губернии. Должность дьячка была второразрядной, но село славилось торговлей, приход церкви считался богатым и по сравнению с другими селами давал обеспеченное существование. Однако большой семье средств не хватало, поэтому основным промыслом для обеспечения семьи были огородные работы. Отец Ивана Петровича интересовался своей родословной. Он установил преемственность от одного предка к другому, вплоть до крепостного бесфамильного мужика Павла, который и дал начало фамилии Павловых. Сын Павла уже имел фамилию, это был Мокей Павлов – первый носитель фамилии Павловых. Сын Мокея – Архип Павлов служил пономарем в сельской церкви, а сын Архипа – Дмитрий, дед Ивана Петровича, был дьячком церкви в селе Кривополянье. Дед И.П. Павлова дал своим сыновьям семинарское образование. Все три сына окончили духовную семинарию. Отец Ивана Петровича любил читать книги и любовь к чтению привил своим детям. Это было не просто чтение для развлечения, это было деловое отношение к книге. Полную противоположность отцу семейства, как оплоту спокойствия и уравновешенности, представляла мать Варвара Ивановна. Выйдя из семьи рязанского священника, она росла в то время, когда в России считали еще ненужным давать образование девушкам. Именно поэтому Варвара Ивановна не получила образования. Мать И.П. Павлова отличалась веселым характером. Периодически она проявляла раздражительность, которая в зрелом возрасте перерастала в необычайную вспыльчивость, доходившую часто до иступления. Причиной этому было нервное расстройство, развившееся у нее в результате первых трех родов. Однако при всей своей нервозности и недостатке образования Варвара Ивановна души не чаяла в своих сыновьях.

Отец Ивана Петровича мечтал о том, чтобы сын посвятил себя церкви. Поначалу судьба Ивана Павлова так и складывалась. В 1860 году в возрасте 11 лет он поступил в церковное приходское училище, а после его окончания – в местную духовную семинарию, которую впоследствии вспоминал с благодарностью. «Вообще в семинарии того времени (не знаю, что потом) было то, чего

так не доставало печальной памяти толстовским гимназиям (и теперешним, кажется, тоже) – возможность следовать индивидуальным умственным влечениям. Можно было быть плохим по одному предмету, выдвигаться по-другому – и это не только не угрожало вам какими-либо неприятностями до увольнения включительно, а даже привлекало к вам особенное внимание: не талант ли?» [6].

И.П. Павлов любил Рязань, любил ее глубоким чувством русского человека. Для него она была символом одной из самых замечательных страниц истории древней России. Особенно дорог Ивану Петровичу в Рязани был домик, в котором он провел первые пятнадцать лет своей жизни (рис. 1).

По внешнему виду домик представлял собой тип стандартных строений, которыми были богаты русские провинциальные города в середине прошлого столетия: резные деревянные украшения, обрамляющие окна, двери и крышу и неизменная низенькая надстройка над домом, получившая название «светелки» – предмет особенного внимания И.П. Павлова. В этой маленькой светелке он провел детство, пережил период юношеских увлечений, приведших его в Петербургский университет, и уже через много десятков лет, за несколько месяцев до смерти, он пришел сюда же, в эту маленькую комнатку, чтобы еще раз пережить картины далекого прошлого. В этом домике, как он сам говорил, «вчерне» наметилась его жизнь. Этот домик был колыбелью его глубокой любви к родине, здесь зародились истоки его преданности родной земле, его упорного стремления возвеличить ее своими трудами. Очень точно выразил любовь к родному городу, его деревянным домикам в своем стихотворении другой уроженец Рязани – С. Есенин:

«Низкий дом с голубыми ставнями,
не забыть мне тебя, никогда, –
Слишком были такими недавними
отзвучавшие в сумрак года.
До сегодня еще мне снится наше поле, луга и лес,
Принакрытые сереньким ситцем
этих северных бедных небес».

Поступление в 1870-м году в Петербургский университет на естественное отделение физико-математического факультета для семинариста И.П. Павлова было поворотным моментом. И.П. Павлов избрал главной специальностью физиологию животных и добавочной – химию. Он становился на путь осуществления своих жизненных идеалов, его надежда стать в ряды передовых людей России делалась реальной. Семинария дала

И.П. Павлову неудовлетворенность патриархальным бытом. У него возникло стремление к изучению природы человека, правда, еще не наполненное тем конкретным жизненным содержанием, которое могло бы мечты перевести в действительность. Одно дело – неопределенное стремление заниматься естествознанием, другое дело – конкретный путь, полный труда. Никакое стремление к науке никогда не даст успеха в жизни, если оно не укреплено повседневной работой, напряженным трудом и изобретательностью. Все эти качества И.П. Павлов развил в университете [3].

И.П. Павлов в качестве студента-естественника стал работать в физиологической лаборатории университета, где велась работа в различных отделах физиологии и гистологии под руководством профессора Ф.В. Овсянникова. В лаборатории также выполняли исследования в области пищеварительных желез. Надо отметить, что в тот период, когда И.П. Павлов проводил свои эксперименты по нервной регуляции функции поджелудочной железы, закончил свою работу по иннервации поджелудочной железы студент Лебедев. Работа Лебедева относится к числу забытых: на нее нет ссылки даже в полной сводке работ по физиологии пищеварительных желез Б.Бабкина. Однако именно Лебедев первым доказал, что симпатический нерв является секреторным для поджелудочной железы. Эта историческая деталь указывает на то, что Иван Павлов в лаборатории университета начал свои работы не на пустом месте. В университете будущий великий ученый имел возможность ознакомиться со всеми направлениями работ русских физиологов. Огромное впечатление на студентов-физиологов в то время производил профессор И.Ф. Цион. Особенно поражала учеников его артистическая способность ставить опыты. Под руководством И.Ф. Циона Иван Павлов сделал первую физиологическую работу, и он запомнил своего учителя на всю жизнь.

Позже (в 1875 году), уже получив степень кандидата естественных наук, И.П. Павлов поступил на III курс медико-хирургической академии. Он хотел впоследствии, имея степень доктора медицины, стать профессором кафедры физиологии. Переходя в академию, И.П. Павлов должен был работать ассистентом у И.Ф. Циона, но того изгнали из академии. Многие годы (до получения профессуры) Иван Петрович проработал в лаборатории при клинике С.П. Боткина. Только на 41-м году жизни И.П. Павлов получил собственную лабораторию и теперь даже не одно, а сразу два места: профессора фармакологии (впоследствии

физиологии) в Военно-медицинской академии и заведующего физиологическим отделом в Институте экспериментальной медицины.

И.П. Павлов стал проповедником экспериментального метода в области медицины: «Только пройдя через огонь эксперимента, вся медицина станет тем, что должна быть, то есть сознательной, а следовательно, всегда и вполне целесообразно действующей...» [7]. Кроме того, именно Иван Петрович ввел в практику физиологических исследований хронические эксперименты как на интактных животных, так и на животных, прооперированных и проживших после операции определенное время. Он занимается разработкой новых методов исследования поджелудочной железы и публикует результаты своих изысканий по наложению постоянной фистулы поджелудочной железы. А.Ф. Самойлов, один из учеников И.П. Павлова, в речи, посвященной 75-летию юбилею Ивана Петровича, говорил: «Я был свидетелем разработки операции так называемого маленького желудка. Я помню, как очаровала меня смелость и вера И.П. в правильность задуманного им операционного плана. На первых порах операция не удавалась, было загублено около 30 больших собак, было затрачено без результата много трудов, много времени, почти полгода, и малодушные уже теряли бодрость. Мне припоминается, что некоторые профессора родственных физиологии дисциплин утверждали, что эта операция не может и не будет иметь успеха, потому что расположение кровеносных сосудов желудка противоречит идее операции. Над такими заявлениями Иван Петрович смеялся и хохотал так, как умеет хохотать только один Иван Петрович: еще несколько усилий – и операция стала удаваться» [7]. Работа И.П. Павлова в области физиологии пищеварения и была отмечена в 1904 году премией Нобеля. И.П. Павлов был единственным в то время нобелевским лауреатом среди ученых России. Позже ее получил еще один русский – И.И. Мечников (в 1908 году). Мир признал И.П. Павлова великим физиологом. Студенты Кембриджского университета, ранее преподнесшие Ч. Дарвину игрушечную обезьяну, подарили И.П. Павлову игрушечную собачку с многочисленными фистульными трубками во время присуждения ему степени почетного доктора Кембриджского университета.

И.П. Павлов считал свою жизнь удавшейся. В своих воспоминаниях он отмечал: «Я получил высшее, что можно требовать от жизни, – полное оправдание тех принципов, с которым вступил в жизнь. Мечтал найти радость жизни в умственной

работе, в науке – и нашел, и нахожу его там. Искал в товарищи жизни только хорошего человека – и нашел его в моей жене Серафиме Васильевне, урожденной Карчевской, терпеливо переносившей невзгоды нашего допрофессорского житья, всегда охранявшей мое научное стремление и оказавшейся столь же преданной на всю жизнь нашей семье, как я – лаборатории» [6]. Иван Павлов познакомился со своей будущей женой Сарой (так ее звали домашние) в конце 1870-х годов (рис. 2). Серафима Васильевна привлекла его внимание восторженным восприятием Шекспира. Иван Павлов тоже был большим почитателем творчества Шекспира. На этой почве они и сошлись. Иван Петрович был неумный и горячий спорщик, причем он был очень находчив, – вспоминала потом жена ученого. В письмах к Серафиме И.П. Павлов изложил «программу» своей жизни и будущей научной деятельности.

Его послания представляли своего рода газету в письмах, которая сначала выходила под названием «Попался», а затем – «Чудны дела твои, господин». Каждая «газета» состояла из большой статьи, фельетона, пьесы и даже объявлений. Одно из них гласило: «Потеряно сердце, нашедший может получить половину (И.П.)». Дело шло к свадьбе. Однако родители Ивана Петровича не одобряли его брака с курсисткой-бесприданницей. Отец, рязанский священник, не одобрял и то, что сын пошел в науку. Мать Варвара Ивановна, души не чаявшая в Иване, своем первенце, нашла ему невесту с хорошим приданным. Но сын оказался неумолим, он мечтал только о браке по любви и хотел найти в жене друга, способного помочь в самоусовершенствовании. Тридцатилетнему И.П. Павлову казалось, что его характер сложился и начал «костенеть». В письме к двадцатилетней невесте Саре он писал: «Вот почему так крепко держусь за тебя моим сердцем и мыслию. Не больше ли изменюсь и сам в хорошую сторону, имея приятелем, женой близкого человека, которому предстоит еще такое большое развитие» [8]. Свадьба состоялась. Оба супруга очень любили друг друга, но оказались к семейной жизни неподготовленными. Они заключили соглашение: ничто не должно отвлекать Ивана Петровича от научной работы. Гостей принимать только по субботам, а самим выходить «в люди» – на концерты, в театры, в гости – только по воскресеньям. Все остальное время – научные занятия. Первое время супруги жили очень скромно, если не сказать бедно. Денег не хватало даже на посуду и мебель. Только любовь служила лекарством от бытовых

невзгод. Однако спокойного семейного счастья не получилось. Умер их первенец. Мальчик родился здоровым и ничто не предвещало беды. Во время отпуска И.П. Павлов отдыхал вместе с семьей в деревне, а когда уехал, через несколько дней ребенок заболел и умер. И.П. Павлов винил во всем себя. Вернувшись в Петербург, Сара тяжело переживала потерю. Павлов обратился к С.П. Боткину, своему учителю и покровителю, и тот вылечил жену ученого. На следующий год они с женой отправились за границу – по научным делам Ивана Петровича. В Бреславле в октябре 1884 года у Павловых родился сын Владимир. Всего же у Павлова было четверо детей: Владимир, Вера, Виктор и Всеволод. Вообще, история жизни Ивана Петровича Павлова – это рассказ не только о научной деятельности, но и о семье. В семье он не позволял себе не излишней горячности, ни резких выражений, чем грешил на работе. Семья помогала ему преодолевать все жизненные невзгоды и служебные неурядицы, служила надежным тылом в жизненной борьбе [3].

Однако не только ученики и соратники оставили нам воспоминания о И.П. Павлове. Его образ нашел отражение и в произведениях русских художников и скульпторов, которые лично были знакомы с выдающимся физиологом. Каким же видели ученого его творческие современники, какие грани характера И.П. Павлова раскрывают перед нами их произведения?

Самыми известными являются портреты, написанные М.В. Нестеровым. Первая встреча И.П. Павлова и М.В. Нестерова произошла в 1930 году на квартире ученого на Васильевском острове. В своих воспоминаниях художник отмечал: «Я был сразу им покорен, покорен навсегда... Иван Петрович был донельзя самобытен, непосредствен. Этот старик 81 года был “сам по себе” – и это “сам по себе” было настолько чарующе, что во мне исчез страх перед неудачей, осталась лишь неутомимая жажда написать этого дивного старца» [9]. Во время работы над портретом перед М.В. Нестеровым постепенно раскрывался характер ученого, и он писал своей дочери О. Шрертер, что лицо И.П. Павлова напоминает ему в какие-то моменты лицо Л.Н. Толстого.

На первом портрете художник изобразил ученого за чтением книги на террасе дома в Колтушах (рис. 3). Взгляд Ивана Петровича сосредоточен, сквозь строчки он беседует с автором произведения. Лицо ученого овеяно мягким сиянием лета. И.П. Павлову портрет понравился, однако М.В. Нестеров остался недоволен. Он хотел пере-

Рисунок 1. Дом семьи Павловых в Рязани.
Figure 1. The Pavlov family in Ryazan.

Рисунок 2. И.П. Павлов и С.В. Карчевская (1881).
Figure 2. I.P. Pavlov and S.V. Karchevskaya (1881).

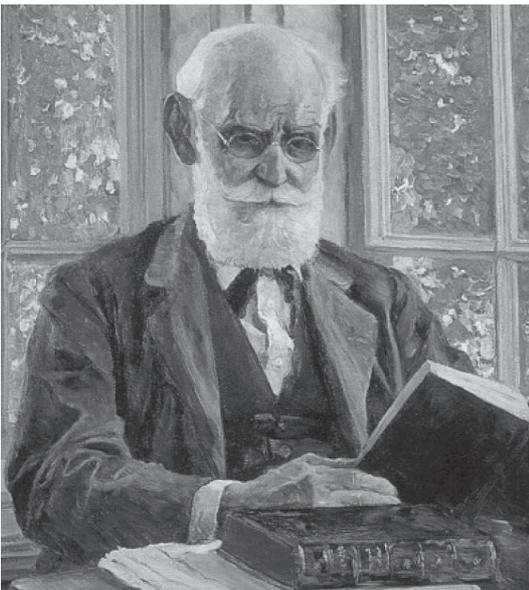

Рисунок 3. М.В. Нестеров. Портрет И.П. Павлова. Слева – 1930 г. (ГТГ), справа – 1935 г. (ГТГ).
Figure 3. M.V. Nesterov. Portrait of I.P. Pavlova. On the left – 1930 (Tretyakov Gallery); on the right – 1935 (State Tretyakov Gallery).

дать нечто большее: «Я мог тогда уже видеть иного Павлова, более сложного, в более ярких его проявлениях, я видел, что необходимо написать другой портрет этого замечательного человека» [9].

В 1935 году художник пишет второй портрет Ивана Петровича (рис. 3).

Его модели в то время было 85 лет. Работая в Колтушах, М.В. Нестеров наблюдал ученого и в момент беседы, и во время экспериментов или отдыха. М.В. Нестерова восхищали прямота и честность И.П. Павлова, его увлеченность всем,

к чему он прикасался, дух экспериментатора, ясный ум ученого. Художник смог выявить главное в человеке – силу духа, энергии. Многие коллеги И.П. Павлова отмечали, что Иван Петрович мнение свое выражал горячо, отстаивал с юношеским пылом. На портрете И.П. Павлов как бы спорит с невидимым собеседником. М.В. Нестеров выразил творческую силу человеческого разума, красоту и значительность личности – созидающей и действующей. Его руки, сжатые в кулаки, опущены на листок с графиком работы. За эти его кула-

ки – сильные и властные художник опасался: они ему были необходимы для раскрытия характера модели, но «кто же изображает великого ученого с кулаками?». В своих воспоминаниях М.В. Нестеров писал: «Самым рискованным в моем портрете были два положения: темный силуэт головы на светлом фоне и руки, сжатые в кулаки. Жест характерный, но необычный для портрета вообще, да еще столь прославленного и старого человека, каким был Иван Петрович... Но, когда я, колеблемый сомнениями, хотел «жест» заменить иным положением рук, все запротестовали, и я, подчиняясь внутреннему велению и желанию окружающих, остановился на этой своей первоначальной мысли» [9]. Действительно, этот жест – есть пластический сгусток характера и темперамента ученого. И.П. Павлов на портрете – воинствующий борец, каким он и был до конца своей жизни.

И.П. Павлов написан в профиль, но его фигура неразрывно связана с пейзажем за окном веранды. Фон понравился Ивану Петровичу, так как все, что вошло в него, было воплощением мечтаний последних лет его жизни. За светло-голубой верандой, где сидит И.П. Павлов, виден городок (Колтуши) – белые дома с черепичными крышами. За ним расстилается типичный пейзаж окрестностей Петербурга с темно-серой полоской неба на горизонте. Бледный свет ранней осени проникает на веранду. Он превращает серый костюм И.П. Павлова и белую скатерть стола в почти сиреневые. Солнечным светом согреты и белые звездочки «убора невесты» – скромного цветка в простом горшке.

Не прошло года после написания портрета, как И.П. Павлов скончался. После его смерти М. Нестеров написал третий портрет великого физиолога – литературный. И без этого литературного портрета не обходится ни одна книга о И.П. Павлове – ученом и человеке.

Теперь пришло время рассказать о том, как создавал скульптурный портрет И.П. Павлова С.Т. Конёнков. Летом 1929 г. в Нью-Йорке проходил международный конгресс физиологов. Друг семьи скульптора доктор Фёдор Левин – любимый ученик академика И.П. Павлова – привел ученого в дом С.Т. Конёнкова. Они сразу нашли общий язык. Мир искусства не был чужд физиологу. В детстве он зачитывался книгами Жюль Верна. Пушкин, Толстой и Шекспир были его любимыми писателями. И.П. Павлов прекрасно знал русские сказки и прибаутки, свою маленькую внучку сравнивал со Снегурочкой. С.Т. Конёнков вспоминал слова ученого: «А вы знаете, моя маленькая

внучка удивительно похожа на Снегурочку. Мы ее и называем Снегурочкой. А какая она хрупкая и нежная... Вот-вот растает, как Снегурочка» [10]. Иван Петрович часто вспоминал и родную Рязань, заливные луга над Окой, картину Левитана «Над вечным покоем...». Иван Петрович вместе с сыном коллекционировал картины русских художников, в основном передвижников. В его собрании были работы Репина, Сурикова, Верещагина, Левитана, Семирадского, других художников. Однако И.П. Павлову больше нравились работы Владимира Маковского, а не Сурикова или Репина. Иван Петрович подробно рассказывал о своих любимых картинах, очень тонко говорил о мастерстве Поленова, В. Васнецова, о портретах В. Серова, вспоминал свою встречу с Репиным в Финляндии, тепло отзывался о художнике Ярошенко, который написал портрет его сына Владимира. И.П. Павлов считал, что «Мария с младенцем» Васнецова, которую он видел в Киевском соборе, – величайшее произведение, равносильное «Мадонне» Рафаэля. Действительно многие работы русских художников недооценены в полной мере, в том числе самобытная палитра В. Васнецова. Иван Петрович не скрывал симпатий и к древним русским иконописцам. Он так же был знатоком эпохи Возрождения, любил Тициана, считал, что дух Возрождения никогда не иссякнет, и с присущим ему юмором бичевал декадентские направления в искусстве. Ученый был врагом лжи и фальши не только в жизни, но и в искусстве. Кроме картин, И.П. Павлов собирал коллекцию бабочек. Он так же любил разводить цветы. Это увлечение ученый сохранил до конца жизни. Особое место на его грядках занимали левкой.

С первой встречи Иван Петрович поразил С.Т. Конёнкова своей простотой и непосредственностью. «В Павлова я влюбился с первого взгляда, – писал скульптор в своих воспоминаниях, – между мной и моей моделью сразу возникли сердечные отношения... У меня появилось ощущение, будто я давно знаю этого человека...» [10]. С.Т. Конёнкову удалось в скульптурном портрете Павлова сказать главное о человеке, передать проникновенность его умных и веселых глаз, выражающих выдающуюся силу ученого (рис.4). Но больше всего взволновали скульптора русская душа И.П. Павлова, его простота и откровенность.

Во время встречи они пили чай с медом и русским пасечником, проникшим в тайны природы, показался С.Т. Конёнкову и сам Иван Петрович. Земная мудрость, открытая и вместе с тем вла-

дение «высшей тайной» сквозят во взоре умных, проникающих глаз, в одухотворенных чертах лица. Скульптурный портрет, созданный С.Т. Конёнковым, – не стилизация под «старичка-полевичка», а только намек на русское происхождение одного из величайших ученых XX столетия. Нью-Йоркская встреча обернулась большой дружбой.

Работы Сергея Конёнкова и Михаила Нестерова взаимно дополняют друг друга, создавая вместе цельный образ великого ученого. В 1929 г. внимание скульптора привлекли и выразительные руки И.П. Павлова, которые позже были запечатлены на знаменитом портрете М. Нестерова. «Слова и интонации сливались с движением жилистых рук, – писал позже Сергей Тимофеевич, – это были руки хирурга ... руки трудового человека, необыкновенно пластичные, выразительные...» [10].

Русское искусство XX века не только сохранило для нас образ выдающегося физиолога, но и отдало дань уважения его питомцам, без которых невозможно было бы развитие мировой науки.

В 1890 году в Санкт-Петербурге был открыт первый в России научно-исследовательский медико-биологический центр – Императорский Институт экспериментальной медицины (ИЭМ). Его основателем и попечителем был принц А.П. Ольденбургский. Руководителем отдела физиологии, а с 1913 г. почётным директором института стал И.П. Павлов. За работы по физиологии, выполненные в стенах Института принца А.П. Ольденбургского, как часто называли в то время ИЭМ, ученый и получил Нобелевскую премию. Свои исследования И.П. Павлов и его ученики выполняли на животных, в частности на собаках. И независимо от наших взглядов на проблему использования животных в научных целях необходимо признать, что именно экспериментальные исследования позволили науке совершить существенный рывок вперед в начале XX века.

В августе 1935 г. на территории ИЭМ был открыт памятник Научным экспериментам или «Памятник собаке», как его теперь называют. Он был приурочен к открытию XV Международного конгресса физиологов. Известно, что для банкета для участников конгресса изготовили шоколадную собаку. Именно на собаках И.П. Павлов выполнил всемирно известные эксперименты в области пищеварения. Автор памятника – И. Ф. Безпалов, который был проектировщиком научного городка в Колтушах. Памятник, по мысли И.П. Павлова, должен был напоминать исследователям об их долге перед подопытными животными. Он представляет собой постамент, на котором находится

скульптура добермана-пинчера. Постамент обрамляют рельефы, изображающие научные эксперименты. Сколько бы его не называли «памятником собаке» – прежде всего это «памятник научным экспериментам». На постаменте с четырех сторон расположены барельефы с высказываниями Павлова. На одной стороне памятника изображено, как собака, вылизывая у своего сородича загноившуюся на шее рану после операции, спасает его от смерти (рис. 5). И.П. Павлов рассказывал, что до этого все собаки, подвергавшиеся такой операции, погибали.

На другом барельефе показано как собака, разломав штукатурку и сделав из нее пористую подстилку, подсказала ученым прием, благодаря которому истекающий из искусственного отверстия поджелудочный сок не разъедает брюхо собаки. На третьей стороне постамента изображены собака под хлороформной маской и цитата из работы Павлова: «Пусть собака помощница и друг человека с доисторических времен приносится в жертву науке, но наше достоинство обязывает нас, чтобы это происходило непременно и всегда без ненужного мучительства». Известно, что свои опыты И.П. Павлов проводил с учетом асептики, антисептики, под общим наркозом. Он не заставлял животных страдать. Однако противники вивисекций называли Ивана Петровича «палач», «мучитель». И.П. Павлов же говорил, что каждая операция проводится под наркозом, как человеку. После операции собаки прекрасно поправляются. Лишь «...в некоторых случаях, когда дело идет о малых дополнительных операциях на очень ценных животных и имеются какие-либо сомнения относительно абсолютной безопасности наркоза, разумнее причинить животному боль и доставить самому себе неприятность оперировать без наркоза» [11].

С «зелеными» физиолог имел давние счёты. Еще в 1903 г. ему пришлось заседать в комиссии по расследованию вопроса о злоупотреблении вивисекциями. Комиссия была образована в ответ на резолюцию военного министерства, наложенную на письмо (от 28 февраля 1903 г.) председательницы Общества покровительства животных баронессы В.И. Мейендорф. Доклад баронессы назывался «О вивисекции, как возмутительном и бесполезном злоупотреблении во имя науки». Комиссия опровергла доводы противницы вивисекций в корректных тонах. И.П. Павлову показалось, этого мало, и он выступил с особым мнением, не сговывая себя в выборе выражений. «Когда я приступаю к опыту, связанному в конце концов

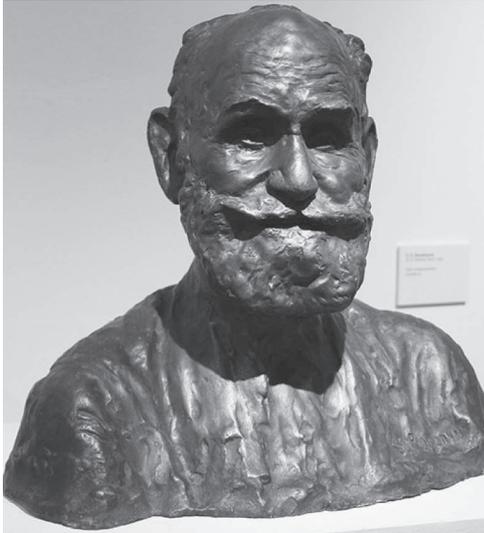

Рисунок 4. С.Т. Конёнков. И.П. Павлов. Бюст (1930 г.). Гипс тонируемый, 40x48x24 (Мемориальный музей «Творческая мастерская С.Т. Конёнкова»).

Figure 4. S.T. Kononkov "I.P. Pavlov" Bust. 1930 tinted gypsum, 40x48x24 (Memorial Museum "Creative Workshop of S. T. Kononkov").

Рисунок 5. И.Ф. Безпалов. Памятник научным экспериментам (1935 г., Санкт-Петербург).

Figure 5. I.F. Bezpalov. Monument to scientific experiments (1935, St. Petersburg).

Рисунок 6. В.В. Лишев. Памятник И.П. Павлову (1951 г., Колтуши).

Figure 6. V.V. Lyshev. Monument I.P. Pavlov (1951, Koltushi).

с гибелью животного, я испытываю тяжелое чувство сожаления, что прерываю ликующую жизнь, что являюсь палачом живого существа...» [12]. Но лишь будучи «палачом» поневоле, во имя высокой цели можно испытывать подлинные нравственные терзания, которые и не могут понять «покровители животных» – не им судить физиологов! Таков главный смысл «особого мнения» ученого. О ложной «заботе» покровителей животных И.П. Павлов писал с негодованием: «Нет, это не высокое и благородное чувство жалости к страданиям всего живого и чувствующего; это одно из плохо замаскированных проявлений вечной вражды и борьбы невежества против науки, тьмы против света» [12].

И.П. Павлов написал большую работу – руководство к применению для проведения экспериментов на животных – «Общая техника физиологических опытов и вивисекций» (1910) – с двадцатью пятью рисунками, включающими зажимы для морд, вивисекционные столы. Некоторые инструменты изображены и на барельефах памятника.

Стройный, красивый пес на пьедестале не похож на жертву. Фистулы не торчат из брюха, и цела голова. Последствия ли экстирпации коры полушария головного мозга, психическое ли возбуждение слюнных желез или зависимость величины пищевых условных рефлексов от количества безусловного подкрепления – он не знает, что будут на нем изучать. Но результаты этих исследований человеку очень нужны... Иван Петрович очень любил

своих собак, даже писал им письма! Известны случаи, когда нужно было оперировать любимую собаку, и И.П. Павлов не мог делать это сам. Тогда он поручал операцию своим ассистентам.

В Колтушах тоже есть памятник И.П. Павлову и его четвероногому другу. Этот памятник знают немногие... Он создавался к 100-летию со дня рождения физиолога в 1949 году, однако был открыт только в 1951 г. Скульптор В. В. Лишев изобразил ученого в полный рост в хирургическом халате. Рядом с И.П. Павловым сидит доверчиво прижавшаяся к его ногам собака (рис. 6).

В заключение следует отметить, что имя И.П. Павлова – выдающегося ученого-физиолога – стало символом русской науки. Он прожил долгую и счастливую жизнь. Из 86 лет более 60 были отданы науке. Его учениками были Л.А. Орбели, П.К. Анохин, Э.А. Асратян и многие другие. В знак признания заслуг, И.П. Павлова избрали «старейшиной физиологов мира». Идеи И.П. Павлова получили дальнейшее развитие в работах научных школ, созданных его учениками. Они нашли продолжение и в современных исследованиях новых поколений физиологов. Успешно реализуется в настоящее время и тезис И.П. Павлова о неразрывной связи физиологии и медицины, экспериментальных и клинических исследований.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК REFERENCES

1. Горький М. Из воспоминаний о И.П. Павлове. Очерк. *Правда* 1936;62
Gor'kiy M. Izvospominaniy o I. P. Pavlove. Ocherk. *Pravda* 1936; 62. (In Russ.)
2. Дюбуа-Реймон ЭГ. О границах познания природы: семь мировых загадок. URSS, 2010;5–69
Dyubua-Rejmon EG. *O graniczaxpoznaniyaprirody: sem' mirovuy'xzagadok*. URSS, 2010;5–69. (In Russ.)
3. Асратян ЭА. Иван Петрович Павлов. Жизнь, творчество, современное состояние учения. Наука, М., 1974;13–116
Asratyan EA. *Ivan Petrovich Pavlov. Zhizn', tvorchestvo, sovremennoe sostoyanie ucheniya*. Nauka, M., 1974;13–116. (In Russ.)
4. Баркрофт Д. Основные черты архитектуры физиологических функций. Биомедгиз, М., 1937;3–5
Barkroft D. *Osnovny'e cherty arxitektury fiziologicheskix funkcij*. Biomedgiz, M., 1937;3–5. (In Russ.)
5. Анохин П.К. Иван Петрович Павлов. Жизнь, деятельность и научная школа. АН СССР, М.-Л., 1949;6
Anoxin PK. *Ivan Petrovich Pavlov. Zhizn', deyatel'nost' inauchnaya shkola*. AN SSSR, M.-L., 1949;6. (In Russ.)
6. Павлов И.П. Избранные произведения. Акад. наук, М., 1949;1–6
Pavlov IP. *Izbranny'e proizvedeniya*. Akad. nauk, M., 1949;1–6. (In Russ.)
7. Голиков Ю.П., Ланге КА. И.П. Павлов: PRO ET CONTRA. Антология. РХГИ, СПб., 1999;308–324
Golikov YuP, Lange KA. *I. P. Pavlov: PRO ET CONTRA. Antologiya*. RXGI, SPb., 1999;308-324. (In Russ.)

8. Письма Павлова к невесте. Москва 1959;10:155–181
Pis'ma Pavlova k neveste. *Moskva* 1959;10:155–181 (In Russ.)
9. Нестеров МВ. Давние дни. Встречи и воспоминания. М., 1959;328–330
Nesterov MV. *Davnie dni. Vstrechi i vospominaniya*. M., 1959; 328–330. (In Russ.)
10. И.П. Павлов в воспоминаниях современников. Наука, Л., 1967; 325–331
I. P. Pavlov v vospominaniyax sovremennikov. Nauka, L., 1967; 325–331. (In Russ.)
11. Павлов И.П. Полное собрание сочинений. АН СССР, М., 1951–1954; 6: 10–15
Pavlov IP. *Polnoe sobranie sochinenij*. ANSSSR, M., 1951–1954;6:10–15. (In Russ.)
12. Заключение комиссии о вивисекции и особое мнение Павлова. *Известия Военно-медицинской академии* 1904; VIII(3):322–328
Zaklyuchenie komissii o vivisekcii i osoboe mnenie Pavlova. *Izvestiya Voenno-Medicinskoj Akademii* 1904;VIII(3):322–328. (In Russ.)

**Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
The authors declare no conflict of interest.**

Сведения об авторах:

Парастаева Марина Магрезовна, канд. биол. наук 197022, Россия, Санкт-Петербург, ул. Л. Толстого, д. 17, корп. 54. Первый Санкт-Петербургский государственный медицинский университет им. акад. И.П. Павлова, Научно-исследовательский институт нефрологии, лаборатория клинической физиологии почек, ст. науч. сотр. Тел.: +7(812)346-39-26; E-mail: parastaeva@list.ru

Береснева Ольга Николаевна, канд. биол. наук 197022, Россия, Санкт-Петербург, ул. Л. Толстого, д. 17, корп. 54. Первый Санкт-Петербургский государственный медицинский университет им. акад. И.П. Павлова, Научно-исследовательский институт нефрологии, лаборатория клинической физиологии почек, ст. науч. сотр. Тел.: +7(812)346-39-26; E-mail: beresnevaolga@list.ru. ORCID: 0000-0002-7532-2405

About the authors:

Marina M. Parastaeva, PhD, senior researcher
Affiliations: 197022, Russia, St. Petersburg, L. Tolstoy st., 17, build 54. Pavlov First Saint Petersburg State Medical University, Research Institute of Nephrology, Laboratory of Clinical Physiology of the Kidney. Phone: +7(812)346-39-26; E-mail: parastaeva@list.ru

Olga N. Beresneva, PhD, senior researcher
Affiliations: 197022, Russia, St. Petersburg, L. Tolstoy st., 17, build 54. Pavlov First Saint Petersburg State Medical University, Research Institute of Nephrology, Laboratory of Clinical Physiology of the Kidney. Phone: +7(812)346-39-26; E-mail: beresnevaolga@list.ru. ORCID: 0000-0002-7532-2405

Поступила в редакцию: 29.05.2019

Принята в печать: 19.03.2020

Article received: 29.05.2019

Accepted for publication: 19.03.2020